

Ловушка для птиц

Первая

Миша и Оля сидят за столом на кухне. Миша — полноватый лысеющий коротышка в растянутой кофте с капюшоном, Оля — высокая широкоплечая женщина с квадратным лицом и тяжёлым носом, на ней — белая спортивная майка в обтяжку и лосины с принтами черепов. Между Мишей и Олей — открытая бутылка водки и два крохотных стопарика, один из которых, поближе к Мише, заполнен на треть.

Миша. Зачем водка, Оль?

Оля. Ты выпей сначала.

Миша. Мы никогда не пили с тобой водку. Мы с тобой даже вино не пили, а тут вдруг — водка.

Короткая пауза.

Оля. Давай. Скоренько.

Миша. А можно я так?..

Оля. Не можно, Мишань. Просто пей.

Миша. Ну... ладно. Зачем только?..

Миша пожимает плечами, берёт стопарик, выпивает содержимое, даже не выдохнув предварительно. Секунды три трясётся, словно треснутый током, после ставит стопарик на стол, опрокидывает его, снова ставит, затирает рукавом кофты капли.

Миша. Какое же говно.

Оля. Знаю.

Миша. Знаешь, а выпить заставила. И закуски никакой.

Оля. Так быстрее вставит.

Миша. А зачем быстрее? Куда мы торопимся? Выходной день.

Оля. Я тороплюсь, Мишань.

Миша. Куда?

Короткая пауза, во время которой Миша смотрит на Олю. Оля молчит.

Миша (кивая на бутылку). А ты?

Оля. А я не буду, мне за руль.

Короткая пауза.

Миша. Какой руль, Оль? Велосипеда?

Оля. Нет, Миша, не велосипеда.

Миша. Подожди, ты что, водить умеешь? Ну... это... (крутит руками воображаемый руль автомобиля)

Оля. Умею. Вот это (повторяет жест Миши).

Миша. А... когда?

Оля. Давно, Мишань. Давно.

Миша. Тогда почему не говорила? Купили бы машину... подержанную. Хотя бы.

Оля. Я много чего тебе не говорила, Миша. А сейчас буду говорить.

Миша. В смысле? Я ещё чего-то не знаю?

Оля. Почти всего, Миш.

Длинная пауза. Миша смотрит на Олю. Оля щёлкает ногтем по пустому стопарику.

Миша. Но если ты не будешь пить, зачем тебе тогда твой... стаканчик?

Оля. Чтобы твоему скучно не было.

Миша. А ему... скучно, да.

Короткая пауза.

Миша. Что началось сейчас, Оль?

Оля. Не началось, Миша, а заканчивается.

Миша. Ты мне делаешь немного страшно.

Оля. Будет ещё и больно.

Миша. Больно? Бить будешь?

Оля. Ни в коем случае. Больно будет вот здесь (**Оля** кулаком постукивает себя между грудей). Поэтому налей себе и выпей ещё.

Миша смотрит на бутылку и стопарик. После берёт бутылку, наклоняет над стопариком, но не наливает в него ни капли и ставит бутылку на прежнее место.

Миша. Нет. Говори так.

Оля. Ну, я предупредила.

Очень короткая пауза.

Миша. Что заканчивается, Оль?

Оля. Наши с тобой поддельные отношения.

Миша. Ты что, уходишь от... меня? И почему «поддельные»?

Оля. И я уйду. И ты уходишь, Миш.

Миша. А почему я уйду?

Пауза, во время которой из глаз Миши начинают течь слёзы.

Оля. Не надо, Миша.

Миша. Что «не надо»?

Оля. Плакать.

Миша. А разве я?.. (*трогает щёки, после вытирает их рукавами*)

Оля. Да.

Миша. Это само. От водки, наверное.

Миша яростно утирается рукавами, щёки его краснеют.

Оля. Миша, прекрати истерику. Не поможет. У меня больше нет нужды делать вид, что я на неё покупаюсь.

Миша (*продолжая раздирать щёки*). Правда?

Оля. Правда. Выпей ещё и успокойся.

Миша наливает себе водки, выпивает, трясётся пару секунд, шумно втягивает носом воздух. Некоторое время сидит тихо.

Оля. Всё?

Миша. Всё.

Оля. Тогда я продолжаю.

Миша. Да, давай.

Короткая пауза, во время которой Миша обтягивает на себе кофту, поправляет прозрачный пух на голове, откашливается. Оля молча смотрит на Мишу.

Оля. Это не моя квартира, Миша.

Миша. Да, она — твоих родителей.

Оля. Нет. Она съёмная. И сегодня мы должны съехать.

Миша. В смысле? И куда?

Оля. Я не знаю, куда ты съедешь, Миша. Может, к родителям.

Миша. А ты?

Оля. А я забираю Сашку из школы, и мы с ним уезжаем в другой город.

Миша. Подожди, но Сашок...

Оля (*перебивает*). Сашок не твой сын, Миш.

Миша смотрит на Олю, тянет руку к бутылке, но Оля успевает подвинуть её к себе. Миша в итоге неуклюже сметает стопари на пол.

Оля. Не надо, Мишань.

Миша. Ты что такое говоришь!.. Сашок же!.. Сашок!..

Оля. А тебя разве не удивляет, что он почти четыре кило был при всей своей, казалось бы, очевидной недоношенности?

Миша вскакивает. Оля сидит за столом и смотрит на Мишу.

Миша. Я тебя никогда не бил, Оля. Никогда. До сегодня.

Оля. Миша, разве можно бить женщину?

Миша. Таковую — можно.

Оля. Какую «такую», Миш?

Миша. А что на тебя нашло, а? Выгоняешь меня из... ну... пусть не собственного, но дома, в котором мы с тобой столько лет!.. И потом — Сашок, сын...

Оля. Он не твой сын, Миша.

Миша подходит к Оле, поднимает руку, неуклюже двигает рукой рядом с лицом Оли, после опускает и отходит. Оля продолжает сидеть.

Миша. Знаешь, я требую провести экспертизу.

Оля. Миша, она уже. Я отдам тебе все бумажки. Сам убедишься.

Миша смотрит на Олю, улыбается.

Миша. А ты подготовилась.

Оля. Конечно. У меня нет времени тебя убеждать. Да и желания.

Миша (*тряся кулаками перед своим лицом*). Оля, ну что ты творишь!.. Что ты творишь-то, Оля?!.. Если ты вообще Оля.

Оля. Не Оля.

Миша. Ёб!.. Ай, всё. (*Миша отворачивается, но тут же поворачивается обратно*) А родители твои? Хочешь сказать, что...

Оля (*перебивает*). Актёры на пенсии. Не скажу, что дёшево, но терпимо.

Короткая пауза, во время которой Миша смотрит на Олю, а Оля пощёлкивает ногтем то по бутылке.

Миша. И кто ты? Если не Оля.

Оля. Никто, Миша. Просто никто. Чужой тебе человек.

Миша. Ты понимаешь, чужой человек, что ты сейчас напрочь развалила всю мою жизнь?

Оля. Ничего, Мишань. Начнёшь новую. Ты ещё молодой. Это мне — сорок, а ты...

Миша (*перебивает*). Сорок? Сорок? Ах, ты!..

Оля. Ну кто, кто?

Миша. Сука!

Миша бросается на Олю, выставив руки перед собой, но Оля без лишней суеты скручивает Мишу и укладывает его на пол лицом вниз. Миша кричит.

Оля (*заламывая Мише руку*). Почему не «блядь», Мишань?

Миша (*кричит*). Не знаю, пусти!.. Пусти!.. Руку сломаешь!

Оля. Нет, зачем? Просто вывихну.

Миша. Ну вывихнешь!.. Всё равно! Пусти, говорю!

Оля. А ты успокоишься?

Миша. Да!.. Да!..

Оля. Честно?

Миша. Честно!..

Оля отпускает Мишу. Тот с трудом, кряхтя, поднимается. Долго отряхивается. Смотрит на Олю.

Миша. Честнее, чем ты, по крайней мере. Дерёшься так...

Оля. Как?

Миша. Не как старуха. И не как моя Оля.

Оля. Нет никакой «твоей» Оли, Миша. Успокойся и забудь. У тебя двадцать минут на сборы.

Миша. Это мало!

Оля. Это до хрена.

Короткая пауза, во время которой Миша шумно вздыхает. Оля, на голову его выше, смотрит на Мишу сверху вниз.

Миша. Так ты кто? Шпион?

Оля. Хуже.

Оля выходит из кухни. Миша, чуть потоптавшись на месте, плетётся за Олей.

Вторая

Миша дома у своих родителей. Он сидит на диване, перед ним — борщ в тарелке, которая стоит на журнальном столике, заботливо укрытом газеткой. *Миша* застыл с ложкой почти у рта, потому что смотрит телевизор. По левую руку от *Миши* сидит его *Отец* и тоже наблюдает за происходящим на экране. В комнату входит *Мать Миши*, несёт тарелку с котлетами и пюре. Ставит на газетку, стараясь не шуметь, выпрямляется, смотрит на экран, потом на *Мишу*.

Мать. Мишенька, а что борщ?

Миша (не отрываясь от экрана). А что борщ, мам?

Мать. Ты его совсем не ешь. Невкусный?

Миша. Мам, да это просто богический борщ, ты что!

Мать. Ну полная тарелка же у тебя. Может, тебе хлеба?

Миша. Не надо хлеба. Разве что сметаны.

Мать. Сейчас принесу, Мишенька. Ты только ешь, ладно? Худой такой стал.

Миша. Да ну чё ты, мам? Как ни приду, всё худой и худой.

Мать. Плохо кушаешь, Миш. Плохо кушаешь.

Мать выходит. *Миша* отправляет в рот ложку борща и снова застывает, глядя в экран.

Отец. Щёки впали.

Миша. Бать, да ну какие щёки!

Отец. Родителям лучше видно.

Миша. Родители слишком субъективны. Любовь застит глаза.

Отец. Это откуда?

Миша. В смысле?

Отец. Из какой литературы?

Короткая пауза, во время которой Миша отправляет в рот ещё одну ложку борща.

Миша. Я не знаю. Я так сказал.

Отец. Не читаешь совсем?

Миша. Бать, какое чтение? Я работаю.

Отец. Так я тоже работаю. И что? В метро всегда есть время на книжку.

Входит Мать, несёт на тарелке нарезанный хлеб.

Мать. Мишенька, натёрла чесноком — как раз как ты любишь!

Миша. Ну мам!.. Я же сметаны просил!

Мать. Да?

Миша. Ну конечно! Бать, скажи ей.

Мать. Аркаша, это правда?

Отец. Не важно. Съест и хлеб.

Миша (со стуком кладёт ложку рядом с тарелкой). Да ну, блин!.. Что за подстава?

Отец. Мать старалась, чесноком тёрла. Уважай давай родителя своего основного.

Мать. Я сейчас сметанки принесу, Мишенька. Прости, зайка.

Миша. Второе так остынет совсем, пока я этим борщом без сметаны буду давиться.

Отец. Там есть сметана.

Миша. Там мало сметаны!..

*Длинная пауза, во время которой **Мать** семенит на кухню, а **Миша** и **Отец** застывают, уставившись в телевизор.*

Отец. Ты чего нервный такой?

Миша. Разве? Я вроде в норме.

Отец. Устраиваешь из-за сметаны скандал.

Миша. Да какой скандал. Всё же нормально.

Отец. Повышаешь на мать голос.

Миша. Ай!.. Просто...

Отец (*перебивает*). Всё у тебя просто.

Миша. Ай, ну бать!..

*Короткая пауза, во время которой **Миша** хлюпает борщом.*

Отец. Ты медитировать не пробовал?

Миша. Зачем это?

*Входит **Мать**.*

Мать. Мишенька, родной...

Миша (*смотрит в телевизор*). Чего там?

Мать. Так а нет сметаны...

Миша. В смысле?

Мать (*тихо*). Кончилась...

*Очень короткая пауза, во время которой **Миша** впервые смотрит на **Мать**.*

Миша. Ну всё. Вечер испорчен.

Мать. Мишенька!

Миша. Как так можно, а? Мам, ну как так можно?

Мать. Я сейчас сбегаю! Тут круглосуточный близко совсем, я куплю! Десять минут, Мишенька, десять минут!

Отец. Сам бы ходил.

Миша (*поворачивается к **Отцу***). Ты чего, бать? Как я пойду? Я же ем!

Отец. Разбаловала тебя твоя Оля.

***Миша** застывает с ложкой в руке, после роняет ложку в борщ, закрывает лицо руками. Плечи его сотрясаются.*

Мать (*шепотом*). Миша...

Отец. Я же говорю, медитировать ему надо. Совсем какой-то псих стал.

Мать. Тихо ты!

Отец. Или пусть тогда к психиатру идёт. Не дело вот это вот всё.

Мать. Ты озверел, что ли? Какой психиатр? Хочешь, чтобы его в дурку засунули?

Отец. Да почему сразу в дурку? Что за средневековые представления? Выпишут таблетки — и всё!

Мать. Ага, таблетки. Чтобы он с утра до ночи только и мог, что слюни пускать. Знаю я!

Отец. Тогда пусть медитирует.

Мать. Как ты достал со своей индийской ересью.

Отец. Почему сразу индийской?

Мать. Да хоть с какой! Ты видишь, ребёнку плохо?

Отец. Ребёнку тридцать уже. У ребёнка свой ребёнок в пятый класс пошёл.

Мать. Ну и что?

Миша начинает выть. **Мать** и **Отец** смотрят на него.

Мать (*шёпотом*). Мишенька... (**Отцу**) Чего сидишь? Принеси аптечку!

Отец встаёт и выходит из комнаты, нечленораздельно ворча. **Мать** трогает **Мишу** за плечо, тот сбрасывает его руку (это повторяется несколько раз).

Мать. Зайка.

Входит **Отец**, в руках у него белый деревянный ящичек с красным крестом на боку.

Мать. Ищи валерьянку.

Отец садится на диван, ставит ящичек на колени, копается в содержимом.

Отец. Тут только в таблетках.

Мать. Давай!

Отец протягивает матери блистер с таблетками. Та выхватывает — преувеличенно нервно.

Мать (*наклоняясь к Мише*). Мишенька, на вот — запей борщом.

Миша (*сквозь вой*). Сашок — не мой сын!

Очень длинная пауза. **Миша** воеет. **Мать** и **Отец** молчат.

Миша (*убирает ладони от лица, не вытирая мокрые щёки*). Сашок — не мой сын.

Мать. Как так — не твой?

Миша. Вот так. Не мой.

Отец. А чей тогда?

Миша. Я не знаю. Чей-то. Но не мой.

Короткая пауза, во время которой **Миша** молчит. **Мать** и **Отец** переглядываются.

Отец (*собираясь выйти из комнаты*). Я пойду один телефончик найду. У меня где-то была визитка.

Миша. Батя! Стой на месте. Я не пойду к психиатру, даже не надейся.

Отец замирает. **Мать** смотрит на **Отца**, качая головой.

Миша. Мама, ты представляешь — ей сорок лет! И она даже не Оля, а... я не знаю, кто.

Мать. В смысле — сорок?

Отец (*Матери*). А я тебе говорил! Видишь? Говорил же!

Мать. Да помолчи ты!

Миша. Сорок лет, мам. Сорок лет... (**Миша** шумно всасывает носом воздух) Мамуль... Можно, я у вас поживу? А то мне негде... пока что.

Третья

Крохотный кабинет, в котором за тремя столами сидят Гриша, Лиза и Миша. На столах — старенькие компьютеры, стопки бумаг, степлеры, дыроколы и прочие канцелярские принадлежности. Гриша — высокий чернявый парень с модной стрижкой, Лиза — миниатюрная девушка с волосами цвета морской волны и пирсингом в носу и губе. Все трое одеты строго в соответствии с дресс-кодом: белый верх, чёрный низ, то есть, Гриша и Миша в белых рубашках и чёрных брюках, а Лиза — в белой блузке и чёрной юбке. Гриша и Лиза продолжают начатый чуть ранее разговор, Миша клюёт носом с чашкой кофе в руке.

Гриша. И вот он идёт на кладбище. Обязательно ночью.

Лиза. Я тоже ночью ходила — ну и что? Ничего страшного. Вообще не понимаю, почему люди боятся могил. Наоборот круто!

Гриша. Не, Лизон, это тебе не такое кладбище, как у нас. Там нет могил.

Лиза. Ну а как тогда? Урны с пеплом? Типа колумбарий?

Гриша. Тоже нет. У них там совсем по-другому хоронят, если это вообще можно похоронами назвать. (*Мише*) Миха, знаешь, что такое «небесные похороны»?

Миша (*не открывая глаз*). Я тебе не Миха.

Гриша. Ну простите меня, Михаил Иванович. Так знаешь?

Миша. Я не Иванович.

Лиза. Да отстань от него — пусть спит. Дальше рассказывай.

Миша. Я не сплю.

Гриша. Что-то ты какой-то занудный в последнее время стал, Мишкан.

Миша. Ты — дурак.

Гриша. Ничего себе. Опасный парень Миша. Дерзит. Миха, не дерзи!

Лиза. Так что такое «небесные похороны»?

Миша. Я тебе не Миха.

Гриша. Миха-облепиха.

Лиза. Гриня! Оставь ты его в покое, а то расплачется ещё. Рассказывай давай!

Короткая пауза, во время которой Миша, клюнув носом, отхлёбывает кофе из чашки, а Гриша швыряет в Мишу скрепку, но промахивается.

Лиза. Гриня! Ну что вы как маленькие!

Миша. Это не я. Это он.

Гриша. Ну и... короче. Когда у них кто-то умирает, то его... сажат. Ну, чтобы он как бы сидел. Ну не в том смысле, ты понимаешь.

Лиза. Я понимаю.

Гриша. И вот он так сидит целые сутки, а священник читает ему всякие молитвы из специальной книги — как бы помогает пройти посмертное путешествие.

Лиза. Здорово, наверное. Целые сутки с трупом! Хотя и утомительно.

Гриша. Ну, они привыкли.

Лиза. Всё равно тяжело. У меня бы рот онемел — сутки бубнеть.

Гриша. Но тем не менее.

Лиза. Ну ладно. Ну отбубнел священник. И всё? Закапывают?

Гриша. В том-то и дело, что нет. Должно сначала три дня пройти, а потом близкий друг покойника относит его на типа кладбище.

Лиза. Типа?

Гриша. Ну для нас, потому что в нашем понимании это никакое не кладбище. Вот Миха, например, специалист по кладбищам. Он нам и подкинет точный термин. Да, Миха?

Миша (*отхлёбывая из чашки*). Нет, Гриша.

Гриша. Мишкан, ну ты чего? Не злись, Мишутка! Это шутка! Утро же доброе.

Миша. Шутки у тебя замшелые. Из такого же замшелого детства.

Лица. Эй! Ну хватит уже, а? Дальше рассказывай, Гринь.

Гриша. Тебе жена, что ли, давать перестала? А, Михуил?

Миша открывает глаза и смотрит на Гришу. Тот вскакивает, сбрасывая со стола степлер.

Гриша. Чё, бля?! Выйдем?! Выйдем?!

Лица. Гриня, сядь!

Гриша. Основной самый?! Основной?!

Лица. Гриня, сядь уже!

Гриша. Держи меня, Лизон, потому что я за себя не отвечаю. Я ему рожу его презрительную расковыряю сейчас!

Миша смотрит на Гришу, шмыгая носом.

Лица. Сядь!

Гриша (*сядётся*). Урод жирный.

Лица. Успокойся уже. Как дети, честное слово.

Гриша. Ну а чего он, а?

По щекам Миши текут слёзы.

Лица. Близкий друг покойника относит его на кладбище. Типа кладбище.

Гриша. А? А, да. Короче. Это такая площадка в горах. У них же там земли нет, камень один. Поэтому не во что закапывать.

Лица. А как тогда?

Гриша. Там есть такой специальный чувак — рогьяпа. Ну, «могильщик» по-нашему. Но он не могильщик, конечно, потому что никаких могил там нет.

Лица. А что есть?

Гриша. А есть рогьяпа, а у рогьяпы — нож. Он этим ножом режет покойника по всему телу.

Лица. Зачем? Расчленяет его, что ли?

Миша начинает подвывать.

Гриша. А вот тут начинается самое интересное.

Лица. Так расчленяет?

Гриша. Нет. Просто надрезает мясо. Готовит для стервятников.

Лица. Ого. Офигеть!

Гриша. Да. Они там тусуются всё время, ждут, нервничают. А когда рогьяпа надрезет мясо и отойдёт в сторонку, они набрасываются на мертвеца и до самых костей его обгладывают.

Лица. Круто как!

Гриша. Но и это ещё не всё.

Миша рыдает, по щекам его катятся слёзы.

Лица. Не всё? Что ещё-то?

Гриша. Кости-то остаются.

Лиза. И что с костями? Жгут?

Гриша. Ага, попробуй там сожги кости. Нет! Рогьяпа их дробит в муку, прикинь?

Лиза. Здорово как!

Гриша. Ага. А потом смешивает с натуральной мукой...

Лиза (*перебивает*). И что, пироги печёт?

Гриша. Не. Просто стервятникам отдаёт, а они съедают. Ничего, короче, не остаётся.

Лиза. А, ну так это не кладбище.

Гриша. Всё равно там жутко.

Лиза. Ну, не знаю. Мертвецов-то там уже нет.

Гриша. Зато голодные духи всякие шляются.

Миша, шмыгнув носом, утирается рукавами рубашки.

Лиза. Я в духов не верю.

Гриша. А я верю.

Короткая пауза, во время которой Миша громко вздыхает.

Гриша. И вот он идёт на кладбище. Обязательно ночью.

Лиза. Кто — «он»?

Гриша. Ну йогин же.

Лиза. А.

Гриша. Да. И у него с собой такая дудка — ганлин называется, из бедренной кости.

Лиза. Что, прямо из человеческой?

Гриша. Конечно.

Лиза. Офигеть! Хочу такую!

Гриша. И вот он в эту дудку дудит и ещё в такой особый барабан из двух человеческих черепов стучит — вызывает духов как бы. Миха, ты в духов веришь?

Миша (*в нос*). Нет.

Гриша. И Лизон не верит. А я — верю.

Лиза. Ну ладно. И что эти духи?

Гриша. Они слетаются, а он им себя предлагает — кушайте, мол. Понимаешь, да?

Лиза. Ещё нет.

Гриша. Ну как труп стервятникам! Он — символический мертвец, понимаешь, да?

Лиза. А надрезы он себе делает?

Гриша. Ну... нет. Разве что мысленно.

Лиза. С надрезами круче было бы. Но и так прикольно.

Пауза, во время которой Миша вынимает из кармана платок и шумно в него сморкается.

Лиза. И это всё?

Гриша. Ну как бы да.

Лиза. А смысл?

Гриша. Отказ от прошлой жизни, наверное. Ну, как бы такое символическое отсечение всего телесного, земного... Страхов там. Пристрастий.

Лиза. Типа дурных привычек, что ли?

Гриша. Вроде того.

Лиза. Вот бы мне так.

Гриша. Зачем?

Лиза. Чтобы курить бросить. А то денег слишком много на сигареты вылетает.

*Входит **Армен Борисович** — седовласый худой мужчина лет пятидесяти. В руках у него кипа бумаг, которые он, остановившись сразу за дверью, сосредоточенно перебирает.*

Ли́за. Здравствуйте, Армен Борисович!

Армен Борисович. Да, да...

Ли́за. Утро доброе, Армен Борисович?

Армен Борисович. Доброе, Лизон, доброе...

Гриша (*встаёт из-за стола*). Армен Борисович, я по поводу вчерашнего...

Армен Борисович. А что там?

Гриша. Ну, они напутали, и одного унитаза не хватило, дали вместо него лишний бачок.

*Армен Борисович подходит к столу **Лизы**, вынимает несколько бумаг из кипы, кладёт на стол.*

Армен Борисович (*внимательно смотрит на **Гришу***). Ну и что ты мне предлагаешь? За унитазом ехать? На лексусе?

Гриша. Нет, я просто...

Армен Борисович. Или ты ждёшь моего разрешения съездить и поменять лишний бачок на унитаз?

Гриша. Армен Борисович... Я...

Армен Борисович. Так я разрешаю, Гриша. Валяй.

Гриша. Спасибо, Армен Борисович!

Армен Борисович. Чтобы я от тебя это бляение последний раз слышал. Понял?

Гриша. Да. Понял, Армен Борисович.

Армен Борисович. Сам уже можешь такие вопросы решать — не маленький.

Гриша. Простите, Армен Борисович.

Армен Борисович (*Лизе*). Лизон, ты копию накладной за пятое, надеюсь, сделала?

Ли́за. Я всегда делаю копии, Армен Борисович.

Армен Борисович. Давай её сюда.

*Ли́за роется в бумагах на столе. Армен Борисович сначала стоит, протянув руку, после поворачивается к **Мише**. Ли́за замирает.*

Армен Борисович. А ты чего сидишь, драгоценный мой?

Миша. А что?

Армен Борисович. Тебе из отдела кадров не звонили разве?

Миша. Нет.

Армен Борисович. Ну тогда сам туда иди.

Миша. Хорошо, Армен Борисович. А зачем?

Армен Борисович. Как — «зачем»? Тебе Григорий не передал разве?

Миша. Что «передал»?

Гриша. Армен Борисович! Армен Борисович! Я не успел ещё...

Армен Борисович. Я тебе два дня назад сказал, Гриша. Что ты за распиздяй такой удивительный, а?

Гриша. Тут, понимаете, унитаза эти вчера. А потом я с накладными сидел. А Миша вчера ушёл на час раньше. Ну и я...

Армен Борисович (*внимательно смотрит на **Гришу***). Головка ты — сам знаешь от чего. Сейчас, при мне, скажи Михаилу то, что должен был позавчера.

Гриша стоит, откашливается, мнёт пальцами рубашку на животе.

Армен Борисович. Ну!

Гриша (Мише). Миша, ты уволен.

Миша. Что?

Гриша. Уволен. Ты.

Миша (встаёт из-за стола). Подожди. Ты же вчера мне сказал, что я на повышение иду?

Армен Борисович (Грише). Чего?

Гриша. Да я шутил, Армен Борисович! Я шутил!

Короткая пауза, во время которой Армен Борисович смотрит на Гришу, Лиза тихо смеётся в кулак, Миша оседает на стул.

Армен Борисович. Так. Ладно. (Грише) Ты, стендап-комик, давай разбирайся с унитазами. И да, на тебе ещё возвраты висят. Прекращай дрочить и займись делом. (Мише) А ты, голубь, дуй в отдел кадров за обходным листом — и чтоб сегодня его подписал весь. И ко мне на стол. (Лизе) Копию.

Лиза спохватывается, выуживает, секунды три покопавшись, из бумаг копию накладной, отдаёт Армену Борисовичу. Тот, резким движением выхватив лист из пальцев Лизы, идёт к двери.

Армен Борисович (оборачиваясь). Работайте давайте, орлы. (Мише) Кроме тебя, конечно. Передашь все дела Грише.

Армен Борисович выходит.

Миша. Почему это я — голубь?

Лиза и Гриша молчат, улыбаясь.

Миша. Почему я — голубь, а? Почему вы — орлы, а я — голубь?

Гриша. Потому что ты коготками так — цок-цок-цок...

Лиза. Да не расстраивайся ты так, Миш. Ничего катастрофического же.

Миша. Что значит — «не расстраивайся»? Меня только что уволили — и даже не сказали, за что, а ты мне говоришь «не расстраивайся»?

Лиза. Ну это Гриня тебя подселел, если что.

Миша. В смысле?

Лиза. Просто. Пожаловался на тебя Армену несколько раз.

Гриша. Ничего личного, Мих. Я тут просто машину взял. Ну... ты понимаешь. Деньги нужны.

Лиза. Но ведь ты и правда плохо работаешь, Миш. Не обижайся.

Миша. Это по личным причинам! Мне только немножко времени надо было, чтобы справиться со своими... проблемами!

Лиза. Никого, к сожалению, не волнуют твои проблемы, Мишенька.

Гриша. Никого.

Пауза, во время которой Миша смотрит на Гришу и Лизу. Гриша подходит к Лизе и пытается приобнять её за плечо, но Лиза сбрасывает его руку.

Миша. Был бы у меня сейчас автомат!..

Лиза. Плохо, что у тебя нет автомата.

Четвёртая

Миша дома у родителей, он сидит за кухонным столом во главе, по сторонам — Отец (слева) и Мать (справа). На столе стоят — бутылка водки, стопарики, тарелки с разнообразными салатами и закусками. Миша смотрит на бутылку водки молча в течение трёх минут. Отец и Мать смотрят на Мишу и тоже молчат.

Миша (не отрывая взгляда от бутылки). Почему водка? Мы никогда не пили водку. Мы вообще никогда не пили вместе ничего алкогольного. И вдруг — водка. Зачем?

Отец. Ну... сынок...

Миша (очнувшись). Бать, ну ты же медитируешь! Читаешь всякое. Сам же говорил, что алкоголь — это напиток рабов. А тут — водка.

Отец. Особый случай. Понимаешь...

Мать (перебивает). Мы кое-что должны сказать тебе, Мишенька. Очень важное.

Отец. И наверняка болезненное для тебя. Но сказать мы должны.

Мать. Потому что всё это не может уже продолжаться.

Миша. Что-то мне напоминает вся эта ситуация. Что-то плохое. И водка опять же. Как только в моей жизни появляется водка, тут же начинается всякая гадость. Хотя... если говорить про увольнение...

Отец. Какое увольнение?

Миша. Меня уволили.

Мать. Как — уволили?..

Миша. Просто. Взяли и уволили.

Отец. Вот чёрт...

Миша. Гриша, коллега мой... бывший. Ненавижу его! Мудак!

Мать. Не ругайся, Мишенька.

Отец. Тебя Гриша уволил?

Миша. Фактически. Накапал шефу — сказал, что я плохо работать стал. Но вы же знаете, что у меня всё не просто сейчас! Конечно, я не очень хорошо справлялся в последнее время, но я бы обязательно вернулся в колею — ты же веришь мне, мам?

Короткая пауза, во время которой Мать смотрит на Отца. Отец не выдерживает и прячет взгляд.

Миша. Mam?

Мать. M?

Миша. Ты мне веришь?

Мать. Конечно, Мишенька. Всегда тебе верила и верю.

Пауза, во время которой Мать снова смотрит на Отца. Отец разглядывает ладони.

Миша. Что происходит?

Отец (поднимая взгляд на Мать). Может, не будем о самом главном говорить?

Миша. О чём?

Мать (Отцу). Нет, надо сказать. И так затянулась вся эта история.

Миша. Какая история?

Отец. Эх!

Отец берёт бутылку, открывает её, разливает водку по стопарикам. Один придвигает Мише, второй — Матери, а третий — себе.

Отец (*поднимая стопарик*). Не чокаясь.

Отец выпивает свою водку, за ним свою пьёт **Мать**, **Миша**, поколебавшись и повздыхав, опустошает стопарик последним. Некоторое время молчат. **Отец** растирает ладонью лоб, **Мать** вертит стопарик в руках, разглядывая дно, **Миша** жуёт губу.

Мать (*поворачиваясь к Мише*). Мишенька, ты не наш сын.

Очень длинная пауза.

Миша (*шёпотом*). Вы прикалываетесь?

Мать и **Отец** отрицательно мотают головами.

Миша. То есть, я не отец. Я не муж. Я даже не паршивый работник на паршивой работе. А теперь, выходит, я ещё и не сын?

Отец. Ты — сын, сын! Разве что не по крови. (*Смотрит на Мать.*) Но неужели это так важно?

Миша. Тогда зачем было об этом говорить, если это не важно?

Мать. Мишенька, дорогой... Мы не можем уехать, не сказав тебе об этом. Это было бы нечестно по отношению к тебе. Да и держать в себе столько лет такое знание — это, знаешь ли...

Миша (*перебивает*). Уехать? В смысле? Куда? На дачу?

Отец. В Испанию, Миша.

Миша. В Испанию? Это как? Вы же старые! Какая вам Испания?

Мать. Аркашу пригласили там работать.

Миша. Он же на пенсии. Бать? Ты же на пенсии! Зачем тебе работать, если ты на пенсии?

Отец. Ну, знаешь ли, Миша... Деньги всем нужны. Даже таким старикам, как мы.

Мать. Там очень хорошо платят.

Миша. Что за бред? За что ему платить?

Мать. Аркашин старый знакомый, Вася, который в Испании уже много лет, заведует в Барселоне музеем восковых фигур.

Миша. Это какой-то дикий бред, мам. Ты сама слышишь то, что говоришь?

Отец. Васька меня в «Одноклассниках» нашёл. Связались по скайпу, поговорили.

Мать. Вася предложил Аркаше место привратника. У Аркаши когда борода отрастает, так он сильно на Маркса становится похож.

Отец. У меня даже кличка раньше была на работе...

Миша (*перебивает*). Маркс?

Отец. Нет. Карл.

Мать. Вот Аркаша и будет Марксом работать. Двери людям открывать.

Короткая пауза, во время которой все молчат.

Миша. Бать... а как же буддизм? Медитации?

Отец. А что — буддизм? Ты думаешь, буддизм и большая белая борода не совместимы?

Длинная пауза, во время которой Миша наливает себе водки и выпивает. Выпив, придвигает к себе тарелку с морковкой по-корейски и начинает торопливо поглощать. Мать и Отец молча на него смотрят.

Миша (*заметив повышенное к себе внимание*). Нет, ну а что? У меня больше нет сил расстраиваться. Слёзы все кончились. Я всё время в шоке, а это, знаете ли, утомительно. Но одно всё же радует.

Мать. Что, Мишенька?

Миша. Вы уедете, так?

Отец. Так.

Миша. А квартира-то — останется!

Мать. Мы продали квартиру, Мишенька.

Отец. Месяц назад.

Мать. Нам разрешили пожить ещё немножко. Пока не съедем.

Миша. Ну... хорошо. Тогда план Бэ. Вы возьмёте меня с собой. В Барселону.

Длинная пауза, во время которой Отец наливает водку себе и Матери, стараясь не смотреть в сторону Миши. Мать вообще отворачивается от него.

Миша. Не возьмёте.

Отец отрицательно мотает головой. Мать всхлипывает.

Миша. Ну класс. И родители от меня отказались.

Мать. Мишенька, у нас там будет совсем крохотная квартирка!

Отец. Ну и потом... ты же взрослый уже человек. Самостоятельный. У тебя своя жизнь.

Мать. А у нас — своя. Можем мы хотя бы чуточку пожить для себя?

Отец и Мать выпивают, не чокаясь. Миша смотрит перед собой и молчит.

Миша. И куда мне теперь деваться?

Отец. Ну... ты можешь пойти к своему биологическому отцу. Он ещё жив. Адрес я тебе дам.

Мать. У него интересное имя. Как и у тебя, впрочем.

Миша. Михаил — интересное имя?

Отец. На самом деле, тебя зовут не Михаил.

Мать. Тебя зовут Мефистофель.

Короткая пауза.

Миша. А отца, значит, Фауст, да?

Отец. Нет. Отца твоего зовут Лэм.

Мать. Лэм Леонардович.

Миша. А я, получается, Мефистофель Лэмович?

Отец. Получается, что да.

Мать. Но мы решили, что быть Мишей тебе больше понравится.

Отец. Да и в школе вряд ли поняли бы Мефистофеля.

Миша встаёт и, покачиваясь, выходит из комнаты. Через пару секунд возвращается в одном ботинке. Отец и Мать переглядываются.

Миша (*Отцу, протягивая к нему руку*). Адрес давай... Лэма этого. Леонардовича.

Мать (*подхватываясь*). Мишенька, ты, что ли, прямо сейчас пойдёшь к нему?

Миша. Прямо сейчас и пойду. К папке.

Отец вынимает из нагрудного кармана рубашки клочок бумаги и отдаёт его Мише.

Миша тихает бумажку в карман, берёт со стола бутылку водки и выходит.

Пятая

Миша и Лиза на кладбище. Лиза сидит на скамеечке возле могилы и курит, Миша рассматривает надгробный камень.

Лиза. Ну и? Ты к нему пошёл?

Миша. Да. Но не дошёл.

Лиза. Испугался?

Миша. Ага. Я даже дом его отыскал, но не решился в дверь звонить.

Короткая пауза, во время которой Лиза смотрит на Мишу. Миша продолжает разглядывать надгробный камень.

Лиза. Мишка, а почему ты вообще такой ссыкун?

Миша (*чуть помедлив*). Не знаю. Может, гены. Они же... (*указывает подбородком на надгробный камень*) тоже испугались чего-то. Сдали меня в дом малютки. Хотя и не урод... и с умственным развитием вроде бы всё... нормально.

Лиза. Ну, причин может быть много... (*кивает в сторону надгробного камня*) Это мать твоя?

Миша. Да нет. Просто кто-то.

Лиза. Я думала — мать.

Миша. Где мать лежит, я узнаю, когда к Лэму схожу. Если схожу. А я схожу.

Лиза. А прикинь, это на самом деле твоя мать. Вот смешно будет!

Миша. Ага. Очень.

Лиза. Как её зовут хоть?

Миша. Маму?

Лиза. Не. Эту вот, которая здесь лежит.

Миша. Сейчас. Тут не очень разборчиво. Вязь дурацкая, не могли нормально написать — памятник всё же... (*всматривается*) Смертина Ираида. Тьфу!

Лиза. Что такое?

Миша. Засада какая-то с этими именами. То Мефистофель, то Лэм, то теперь — Ираида вот. Смертина... Смертина, блин!

Лиза. А Мефистофель — это кто?

Миша. Это я.

Лиза. Да ну!

Миша. Ага. Мефистофель Лэмович.

Длинная пауза, во время которой Лиза смеётся, а Миша смотрит на неё и молчит.

Лиза (*отсмеявшись*). Вот это приколы.

Миша. Какие-то сплошные чудовища вокруг. И сам — чудовище.

Лиза. Ну я-то разве чудовище? Лиза Иванова. Ничего чудовищного.

Миша. А отчество?

Лиза. Юрьевна.

Миша (*помедлив*). Ну да... ну да. От тебя, вроде как, можно не ожидать подставы.

Лиза. Конечно. Я же не Гриша.

Миша. Гриша ладно... Вот Армен Борисович...

Лиза. А ты замечал когда-нибудь, что нашего Армена в точности как Джигарханяна зовут?

Миша. А что, он тоже — Армен Борисович?

Лиза. Ага.

Миша. Вот гад.

Лиза. Джигарханян?

Миша. Нет. Наш... то есть, теперь уже — ваш... Армен. Понятно теперь всё.

Лиза. Ладно тебе, Миш. Не расстраивайся так. Мало, что ли, рабочих мест?

Миша садится на скамеечку рядом с Лизой и молчит.

Лиза. Гришка — дурак, а ты просто под горячую руку Армену подвернулся.

Миша. А ты почему меня не защитила?

Лиза. Ха. Скажешь тоже. Мне самой работа нужна.

Миша. Да ты альтруистка!..

Миша и Лиза некоторое время молчат.

Лиза (толкая **Мишу** плечом в плечо). Миш. Ну, Миш!.. Или как тебя теперь называть? Мефя? Тофя?

Миша. Сама ты — Тофя с Мефей...

Лиза. Да! Точно! Буду тебя Тофиком звать. Тофик! А, Тофик?

Миша. Я — Миша. И в паспорте так. А Мефистофель... был давно и потому не считается.

Лиза. Давай ты не будешь расстраиваться, ладно?

Миша. Я бы и не расстраивался, если бы ты меня раньше поддержала.

Лиза. Ну, работа... Это работа. Там нельзя человеком быть. Съедят.

Миша. Там нельзя, а здесь, значит, можно. На кладбище.

Лиза. Хорошее место же. Спокойное. Никто тебе на мозг не капает. Если б ты меня в кафе какое позвал, то я бы ещё подумала. Там живых много — шумных, глупых. Бррр! А среди мёртвых всегда хорошо и уютно.

Миша. Почему это?

Лиза. Потому что они максимально предсказуемые. Никаких подлянок — только мир и покой.

Миша (напевает). Ты — некрофил, Лиза. А это значит... что не страшны тебе ни горе, ни беда...

Лиза. Эт чё за песня? Сам сочинил?

Миша. Почти.

Лиза. Ничё такая. Забавная.

Миша. Ага.

Длинная пауза, во время которой Миша мычит себе под нос мотивчик только что спетой песенки, а Лиза улыбается и чертит на земле носком ботинка дуги и прямые линии.

Лиза. Ну ты догадаешься уже — или нет?

Миша. О чём?

Лиза. Ну блин, Миш. Ну ты же на кладбище. Рядом с тобой — красивая девушка. Ну, романтика же?

Миша. Ага. Типа того. И что?

Лиза. Да обними ты меня уже наконец!

Миша. Серьёзно?

Лиза. Ну а чего я тогда сюда припёрлась? Просто так сидеть?

Миша. Ну... ладно.

Миша неловко обнимает Лизу одной рукой. Лиза, улыбаясь, кладёт ему голову на плечо.

Лиза. Миш.

Миша. М?

Лиза. А вот скажи... У тебя на кладбище когда-нибудь... был?

Миша. Кто?

Лиза. Ну... ты не понимаешь?

Миша. Нет.

Лиза (*высвобождаясь из объятий и отодвигаясь от Миши*). Ай, да ну тебя...

Миша. Да кто? Нормально скажи, пожалуйста. Без намёков.

Лиза. Кто-кто... Секс.

Миша. Секс?

Лиза. Секс.

Миша. На кладбище?

Лиза. Ну да. А чего такого.

Миша. Ну... это как бы кладбище. Тут мертвецы. Рядышком совсем.

Лиза. Как будто бы им есть до этого дело.

Миша. Так, может, лучше сразу в морге?

Лиза (*резко поворачиваясь к Мише*). А что, ты можешь это устроить?

Миша. Тьфу, блин...

Пауза, во время которой Миша встаёт и подходит к надгробью.

Лиза. Ну а чего ты тогда звал меня?

Короткая пауза. Миша молчит.

Лиза. Странный ты.

Миша. Кто бы говорил.

Лиза. Я — нормальная.

Миша. Ну да... ну да...

Лиза. Так что? Просто так звал? Потрепаться?

Миша. Нет.

Лиза. А что тогда?

Миша (*помедлив*). Тут такое дело... Лизон, можно я у тебя поживу недельку... или две. Пока не пристроюсь где-нибудь. Может, Лэм... Леонардович... возьмёт к себе. Я ж ему сын всё-таки.

Лиза. Недельку?

Миша. Ну... или две.

Пауза.

Лиза. Три дня, Миша.

Миша. Всего три?

Лиза. Три дня. Не больше.

Миша. Ну... хорошо. А можно спросить — почему?

Лиза. Почему не больше? (*Миша кивает*) Потому что больше никто не выдерживает.

Лиза вынимает из внутреннего кармана желтоватую флейту, сделанную, похоже, из бедренной кости человека, подносит к губам, дует. Раздаётся гнусавый глухой звук. Лиза набирает в лёгкие побольше воздуха и с силой дует. Звук тот же, только гораздо громче. Миша некоторое время смотрит на Лизу, потом начинает танцевать.

Шестая

Миша и Армен Борисович сидят на большом диване в одной из больших комнат большой квартиры Армена Борисовича. Миша одет как обычно, Армен Борисович облачён в пушистый белый халат и пушистые белые тапки, на голове у Армена Борисовича — пушистое белое полотенце, закрученное в причудливый тюрбан. Перед диваном — стеклянный журнальный столик, на котором ничего нет.

Армен Борисович. Миша, ты сидишь на этом диване сейчас только потому, что Лизон очень за тебя просила. Ты понимаешь?

Миша. Да, Армен Борисович.

Армен Борисович. Но взять тебя обратно я не могу.

Короткая пауза, во время которой Миша смотрит в журнальный столик, а Армен Борисович смотрит на Мишу.

Армен Борисович. Выпьешь чего-нибудь? Есть скотч. Есть красное сухое.

Миша. Только не водку!

Армен Борисович. Водки нет. Я не пью водку.

Миша. Это радует.

Армен Борисович. Так что ты будешь?

Миша. Скотч?

Армен Борисович. Это шотландский виски. В данном случае — односолодовый.

Миша. Это хорошо?

Армен Борисович. Ну... как тебе сказать.

Миша. Ладно, не важно. Скотч.

Армен Борисович. Окей. Тогда я сейчас.

Армен Борисович выходит из комнаты. Миша рассматривает комнату. Армен Борисович возвращается через полминуты, неся в руках два стакана для виски и бутылку с золотистой жидкостью. Ставит бутылку и стаканы на столик. Разливает жидкость по стаканам. Берёт один стакан и протягивает его Мише. Миша берёт стакан. Армен Борисович берёт свой стакан.

Армен Борисович (приподнимая стакан). Ну что? За здоровье родителей?

Миша (чуть помедлив). Ну... да.

Пьют. Армен Борисович — залпом, Миша — сначала пробует, после отпивает треть.

Армен Борисович. Ну как?

Миша. Вкусно.

Армен Борисович. Ну и слава богу.

Армен Борисович ставит свой стакан на столик и садится на диван. Миша ставит свой стакан рядом со стаканом Армена Борисовича. Некоторое время молчат.

Армен Борисович. Ты прости, что я в таком виде. Не успел к твоему приходу привести себя в порядок.

Миша. Это вы извините, что я заранее. Перестраховался.

Армен Борисович. Не самое плохое качество. Ненавижу опаздывающих. И сам

ненавижу опаздывать. Но случается всякое. Ты же понимаешь.

Миша. Конечно.

Короткая пауза, во время которой Армен Борисович внимательно смотрит на Мишу.

Армен Борисович. Тебе похудеть бы. И подкачаться. И одеваться начать чуточку по-другому.

Миша. А вы, Армен Борисович, совсем другой, когда не на работе.

Армен Борисович. Ну, дома мне ведь не нужно быть начальником, правда?

Миша. Правда.

Армен Борисович. Но непривычно. Я понимаю.

Пауза, во время которой Армен Борисович смотрит на Мишу ещё внимательнее.

Армен Борисович. Давай ты мне расскажешь о том, что с тобой приключилось, а я подумаю, чем тебе можно помочь. Хорошо?

Миша. Да.

Армен Борисович. Я слушаю внимательно.

Миша медлит. Берёт стакан в руку, нюхает содержимое, чуточку отпивает, ставит стакан на место. Армен Борисович молчит.

Миша. Сначала я узнал, что мой сын — не мой сын, а какого-то чужого мужика. Потом жена сказала, что ей — сорок, хотя уверяла раньше, что тридцать, и выставила меня из квартиры. Которая, кстати, оказалась съёмной, а тесть и тёща — подставными. Десять лет я жил в квартире, которую искренне считал нашей! Теперь я понимаю, почему она — я про жену — не хотела, чтобы я к ней прописывался. Десять лет я ездил с одним актёром на рыбалку, а второй кормил меня невкусными котлетами. Десять лет я просил Олю, которая и не Оля вовсе, — давай распишемся наконец, чтобы всё по-людски, а она ни в какую...

Армен Борисович. Ничего себе. Она у тебя шпионка, что ли?

Миша. Я не знаю! Она же не призналась. Просто выставила меня.

Армен Борисович. Так себе ситуация.

Миша. Так это же ещё не всё!

Армен Борисович. Тогда продолжай.

Миша. Мало того, что родители мои продают квартиру и уезжают навсегда в Испанию...

Армен Борисович. Это, конечно, не очень приятно, но ты же взрослый мужчина, Миша. Можешь уже и сам как-то...

Миша. Да не в этом дело! Мои родители — это не мои родители. Это чужие мне люди. Я — приёмный!..

Армен Борисович. Вот те раз.

Миша. Настоящий отец ещё жив.

Армен Борисович. Ну вот! Хорошо же! Наверняка он не откажется тебе помочь. Я уверен. Ты же уже познакомился с ним?

Миша. Нет ещё. Боюсь... немного.

Армен Борисович. Не надо бояться, Миша. Не надо. Давай я тебе ещё налью.

Армен Борисович, не дожидаясь согласия со стороны Миши, наливает тому полный стакан. Миша благодарит кивком.

Миша. А вдруг это ему помогать надо? У него такое странное имя.

Армен Борисович. Армен, что ли?

Миша. Нет.
Армен Борисович. Я шучу, расслабься.
Миша. Хорошо.
Армен Борисович. И выпей.
Миша. Ладно.

Миша залпом выпивает свой стакан. Со стуком ставит его на столик. Армен Борисович внимательно смотрит на Мишу.

Миша. Его зовут Лэм.
Армен Борисович. Как? Лэм?
Миша. Лэм. Леонардович.
Армен Борисович. Дичь какая. Впервые слышу такое.
Миша. Но это ещё не самое страшное.
Армен Борисович. Да куда уж!
Миша. Меня на самом деле зовут не Миша...
Армен Борисович. А-а?..
Миша. А Мефистофель. Мефистофель Лэмович.

Армен Борисович смотрит на Мишу. После наливает себе полный стакан скотча и сразу же выпивает весь.

Армен Борисович. Ты мне сейчас просто взорвал мозг, Миша. Просто взорвал мозг.
Миша. Ну и, ко всему прочему перечисленному, вы меня уволили, Армен Борисович.

Короткая пауза.

Армен Борисович. Знаешь, Миша. Всё не так просто, как ты думаешь.
Миша. Я натурально попал в какую-то западню, Армен Борисович. Как будто меня кто-то проклял. Или заколдовал. Я не знаю, что мне делать.
Армен Борисович. Всё не так однозначно, Мишенька. Постарайся и меня понять тоже.
Миша. У меня нет семьи. Нет дома. Нет работы. Друзей у меня и так никогда не было.
Армен Борисович. У тебя же есть отец! Лэм Леонардович!
Миша. Леонардович.
Армен Борисович. Прости, конечно же — Леонардович. Он точно поможет. Я уверен! Вот увидишь!
Миша. Не факт, что ему самому не нужна помощь. Вдруг он — старый слепой инвалид?
Армен Борисович. Ну почему же сразу старый и слепой?
Миша. Армен Борисович... возьмите меня назад. Ну пожалуйста... на любую должность. Пусть на самую дебильную.
Армен Борисович. Понимаешь ли, Миша... Если бы всё было так легко и просто.
Миша. Но вы же начальник!..
Армен Борисович (*глядя Мишу по коленке*). Мишенька, дорогой. Послушай меня. Я бы с радостью, но...

Где-то в глубине квартиры громко хлопает дверь. Армен Борисович выпрямляется. Миша смотрит на него. За одной из дверей раздаётся голос Гриши.

Гриша. Армен, ты уже закончил?
Армен Борисович. Три минуты!
Миша. Голос знакомый какой-то.

Армен Борисович. Да это так... Не обращай внимания.

Гриша. Армен, мне надоело ждать. Я иду.

Армен Борисович. Я же сказал, что три минуты ещё!

Миша. Это Гриня, что ли?

Армен Борисович. Нет, конечно. С какой стати ему тут быть?

Гриша. Всё, я иду! Мне скучно сидеть одному.

Армен Борисович вскакивает с дивана и идёт к двери, которая сразу за диваном. Миша медленно встаёт. Дверь почти открывается, но Армен Борисович успевает навалиться на неё всем телом.

Гриша. Сука! Ты мне ногу прижал! Пусти, больно же!

Армен Борисович. Я же тебе сказал — три минуты подожди! Так сложно, что ли?

Гриша. Пусти ногу! Что ты давишь?!

Миша. Гриня?

Короткая пауза, во время которой становится тихо. Потом Армен Борисович отпускает дверь и отходит в сторону. В комнату, хромая, входит Гриша. Смотрит на Мишу. Гриша одет точно так же, как и Армен Борисович, включая сложный тюрбан на голове.

Гриша. А этот жирный гном что тут забыл? Почему ты ему наливаешь? Ты же его уволил, разве нет?

Армен Борисович. Гриня, уйди. По-хорошему тебя прошу.

Гриша. А я тебя полгода просил его убрать, чтобы не видеть больше никогда эту рожу унылую, а теперь он к нам домой припёрся? Что это, Армен?

Армен Борисович. Ко мне домой, Гриня.

Гриша. К нам, Армен! К нам!

Армен Борисович. Гриня, прекрати. Христом богом тебя молю. Заканчивай.

Гриша. Приказывать в офисе будешь. А тут я — главный.

Армен Борисович. Я же не приказываю, Гриша. Я прошу. Ласково.

Гриша. Так ласково, что чуть без ноги меня не оставил.

Армен Борисович. Прости меня. Пожалуйста.

Миша. Армен Борисович... вы что, с... ним?

Гриша. А что, с Лизой, что ли?

Короткая пауза.

Миша. А чем Лиза так плоха?

Гриша (Армену Борисовичу). Что здесь делает этот хомяк?

Армен Борисович. Гриня, уйди на пару минут. У Миши всё не просто сейчас, сложный период... Ему надо помочь, понимаешь?

Гриша. Ты что, обратно его хочешь взять? Я тебя полгода просил, а ты его — обратно?

Армен Борисович. Никто никуда его не берёт — не выдумывай.

Миша. Это мне что теперь, в бомжи идти, получается?

Армен Борисович. погоди, Миша.

Длинная пауза, во время которой Гриша смотрит на Армена Борисовича и тяжело дышит.

Гриша. А я тебя предупреждал, Армен. Я тебя предупреждал.

Гриша быстрым шагом выходит из комнаты.

Армен Борисович. Гриша! Не дури!

Армен Борисович бросается за Гришей, но тот уже возвращается — с большим ножом в руке.

Гриша. Я предупреждал. А ты опять за своё?

Армен Борисович. Гришенька, не дури! Умоляю!

Гриша. Я предупреждал. Не раз и не два. Только я, Армен! Только я! Или никто!

Армен Борисович. Гриша!

Гриша режет ножом свою левую руку. Армен Борисович бросается к нему, но Гриша замахивается на него ножом — и Армен Борисович отскакивает назад.

Гриша. Не подходи! Я пленных не беру.

Миша прячется под журнальный столик. Гриша режет ножом сначала свою правую, а после левую ногу. Хлещет кровь.

Армен Борисович. Гриша!

Гриша. Я сейчас покрomsаю себя на части, а потом слетятся птички. Да, Армен? Представляешь, труп и могильщик в одном лице — разве не прекрасно?

Армен Борисович. Ты с ума сошёл, Гриша... Зачем ты это делаешь?

Гриша. Что такое «ловушка для птиц», Армен? Это та ловушка, которая прихлопывает птиц, — или же та, за которой присматривают птицы? Или то и другое одновременно, а? Птичка ловит птичку. Птичка ловит птичку. Птичка... ловит... птичку... Чтобы что? Чтобы что, Армен?

Армен Борисович (Мише). Миша, лучше убегай.

Миша, опрокидывая журнальный столик, который, впрочем, не разбивается, выбегает из квартиры. Гриша, истекая кровью, идёт на Армена Борисовича, размахивая ножом.

Гриша. Чтобы отсекать привязанности, любимый.

Армен Борисович. Гриша, положи, пожалуйста, нож и разреши мне вызвать скорую.

Гриша. Я — твоя привязанность. Твой камень на шее.

Армен Борисович. Гришенька, родной... Положи нож, прошу тебя.

Гриша. Я — твоя тень. Твоя мрачная изнанка. А должен быть солнышком.

Армен Борисович. Ну что ты говоришь такое, Гриш... Ты и есть моё солнышко. Самое яркое. Самое горячее. Самое-самое.

Гриша. Правда?

Армен Борисович. Ну конечно, Гришенька. Конечно, милый.

Гриша. Ты меня любишь, Армен?

Армен Борисович. Ещё бы, Гриша. Очень люблю.

Короткая пауза, во время которой Гриша улыбается, а Армен Борисович медленно идёт к нему, выставив перед собой руки.

Гриша. Никто никого не любит, Армен. Всё — обман.

Гриша, полоснув себя по шее, падает на пол. Армен Борисович бросается к нему.

Седьмая

*Практически пустая комната старого дачного домика. На выцветшем ковре сидят друг напротив друга **Миша** и **Лэм**. Между ними — большой старый чайник и две большие старые чашки. **Лэм** — пожилой, но крепкий ещё мужчина с абсолютно седой головой. На нём — обычный свитер и обычные спортивные штаны. **Миша** одет как всегда.*

Миша. Я думал, ты другой.

Лэм. Какой «другой»?

Миша. Старый слепой инвалид.

Лэм. Я и есть — старый слепой инвалид.

Миша. Разве? А где же твоя специальная трость?

Лэм. А зачем она мне дома?

Миша. Ты так лихо заварил чай.

Лэм. Ничего сложного, когда делаешь это много лет. Практика.

Миша. Ты совсем ничего не видишь?

Лэм. Совсем ничего.

Миша. Тебе интересно, как я выгляжу?

Лэм. Мне достаточно слышать твой голос.

Миша. И как тебе мой голос?

Лэм. Слишком писклявый для такого взрослого мужика.

Миша (*помедлив*). Ну да... голос у меня противный. И рост маленький. Мама была маленького роста?

Лэм. Ираида была нормального роста.

Миша. Ираида? Серьёзно? Ираида?

Лэм. Ираида. Тебя что-то смущает?

Миша. Да нет... (*помедлив*) Я до сих пор не знаю твою фамилию... И свою, получается.

Лэм. Обычная фамилия — Смертин.

Миша. Ну да, ну да... Смертин. Конечно же. Мефистофель Лэмович Смертин. Прямо совсем про меня...

Лэм. Нет, не думаю, что про тебя. Ты — Миша Лопухин. И Мишей Лопухиным умрёшь.

*Короткая пауза, во время которой **Лэм** берёт кружку и отпивает из неё. **Миша**, чуть погодя, делает то же самое.*

Миша. У тебя такое странное имя — Лэм. Никогда раньше о таком не слышал.

Лэм. Это аббревиатура.

Миша. То есть?

Лэм. Лэм — это Ленин, Энгельс, Маркс. Твой дед был восторженным коммунистом. Умер, кстати, не так давно.

Миша. Вот оно что... Ничего такого загадочного, оказывается.

Лэм. Вообще ничего такого.

Короткая пауза.

Миша. А почему я — Мефистофель?

Лэм. Об этом лучше спросить Ираиду. Это она тебя так назвала. Я хотел, чтобы ты Гришей был.

Миша. Не дай бог!..

Лэм. Что так?

Миша. Ну... просто не самые приятные ассоциации.

Лэм. Как скажешь.

Длинная пауза, во время которой Лэм наливает себе чаю и пьёт. Миша смотрит на Лэма.

Миша. Папа... Могу я тебя называть «папа»?

Лэм. Как тебе будет удобно.

Миша. Ладно. Тогда — папа.

Лэм. Я слушаю тебя. Сын.

Миша. Папа. Скажи. А почему вы с мамой меня бросили?

Лэм. Мы оба — инвалиды по зрению. Я — совсем слепой, Ираида была слабовидящей. Она очень хотела детей. Мы думали, что сможем справиться, но через год после твоего рождения Ираида заболела и умерла. Мне ничего не оставалось.

Пауза, во время которой Миша наливает себе чаю и пьёт, Лэм не смотрит на Мишу.

Миша. Я не обижаюсь, ты не подумай.

Лэм. Я и не думаю, что ты обижаешься. Какие уж тут обиды.

Миша. Ну... да.

Лэм. Тебе не на что жаловаться. Ты зрячий, ходишь, даже в своём уме.

Миша. Я почти лысый.

Лэм. Это, конечно, страшная трагедия.

Миша. Ну, это нет, конечно... Но в целом у меня сейчас ужасный период.

Лэм. У тебя рак?

Миша. Нет.

Лэм. Может быть, ты стремительно слепнешь?

Миша. И это нет.

Лэм. А что тогда? Ты — умер?

Миша. Пока не собираюсь... вроде как.

Лэм. Тогда я не понимаю.

Миша. Просто... *(помедлив)* Пап, я лишился вообще всего! Одной семьи, второй семьи, работы, жилья... Я как та глупая птичка — попался в ловушку и не могу пошевелиться.

Лэм. Ты уверен, что попался в ловушку? А не выбрался из неё?

Миша. Это было бы слишком банально. «Выйди из зоны комфорта» и так далее — все эти дешёвые штучки.

Лэм. Да, дешёвые. Потому что птичка уязвима и в ловушке, и вне ловушки. Никакого комфорта не существует. В ловушке или нет — ты всё равно хрупкая птичка с крохотным сердцем, которое лупит на дикой скорости, потому что торопится жить.

Миша. Я — толстый и лысый тридцатилетний мужик.

Лэм. Какая разница.

Миша. Ну, не знаю. Взлететь я точно не смогу.

Лэм. Правильно. Потому что ловушка — это ты.

Миша. Я — ловушка? И я же — птичка?

Лэм *(кивает)*. И корм для птиц — тоже ты.

Миша *(помедлив)*. Ты меня совсем запутал, пап.

Лэм. А ты не путайся.

Пауза. Лэм поднимается и выходит из комнаты, но почти тут же возвращается с прямоугольным предметом под мышкой.

Лэм. А почему ты девушку свою оставил на улице? Ты меня стесняешься, что ли? Или

её?

Миша. Откуда ты знаешь, что она здесь?

Лэм. Я слышу, как она разговаривает по телефону. Зови её сюда. Она наверняка уже замёрзла — пусть чаем согреться.

Миша. Ничего себе! Я не слышу. На самом деле звать?

Лэм. Нет, понарошку. Конечно, зови. А то она зубами стучит — звук так себе.

Миша вскакивает и выходит из комнаты. Лэм садится на ковёр и кладёт рядом с собой прямоугольный предмет, похожий на большую книгу. Через несколько секунд возвращается Миша, ведя за руку Лизу. Лиза, не церемонясь, скидывает сапоги и плюхается на ковёр. Берёт чашку Миши, наполняет её чаем, пьёт. Миша садится рядом с Лизой.

Лиза. Ну и дубак. А тут у вас печка, да?

Лэм. Да.

Лиза. Круто. Меня Лиза зовут.

Лиза протягивает руку Лэму. Тот не сразу, но протягивает руку в ответ, находит Лизины пальцы, легонько пожимает своими.

Лэм. Лэм.

Лиза. Вы слепой?

Миша. Лиза!..

Лэм. Да. С рождения.

Лиза. Офигеть! А вы правда — Лэм?

Лэм. Правда.

Лиза. Крутое имя. Красивое.

Лэм. Спасибо. Ваше мне тоже нравится.

Лиза. Я вообще стариков люблю. Им скоро умирать — и они от этого все такие сияющие.

Миша. Лиза, ну ты что...

Лэм. Я сегодня не ждал гостей, поэтому ничего, кроме чая, предложить не могу. Сам я сладкое редко ем.

Лиза. Хотите, я сбегаю?

Миша. Мы всё равно скоро пойдём уже.

Лэм. Почему? Ты не останешься?

Миша. А... можно?

Лэм. А разве нет?

Лиза. Оставайся, Мишань. Всё равно я тебя выгонять собираюсь. (*Лэму*) Он крепкий, конечно, терпит меня, но так достал со своим порядком — моет и моет эту посуду, моет и моет... Как будто отрабатывает проживание.

Лэм. Будет мне посуду мыть. Отрабатывать. А когда умру, похоронит меня рядом с Ираидой.

Лиза (*Мише*). О, так она на самом деле...

Миша (*перебивает*). Это не важно.

Лиза (*без церемоний хватая прямоугольный предмет*). А это у вас что? Фотоальбом?

Лэм. Да. Насколько я знаю, там есть и его фотографии (*кивает в сторону Миши*). Совсем ещё маленького. Я, понятное дело, не видел. Но говорят, что да.

Лиза (*тянет альбом к себе*). О, маленький голый Мефистофель — это может быть интересно! А ещё в таких альбомах бывают фотографии с похорон — а это ещё интереснее.

Лиза и Миша склоняются над альбомом, шепчутся, смеются. Лэм наливает себе чаю,

пѣт.

Последняя

Миша сидит с закрытыми глазами на скамеечке возле могилы матери. В руках у него поводок. К могиле подходит Оля, читает то, что написано на памятнике. Чуть помедлив, садится на скамеечку рядом с Мишей.

Оля. Медитируешь?

Миша (открывая глаза). О. А я думал, это Дхарма пришла.

Оля. Кто такая Дхарма?

Миша. Моя собака. Не видела тут такую — большую и белую?

Оля. Нет.

Миша. Ну, скоро придёт. Мы гуляем.

Короткая пауза, во время которой Оля рассматривает Мишу, а Миша просто сидит на скамеечке.

Оля. Как дела, Миш?

Миша. Да вроде ничего. Женюсь вот скоро.

Оля. Правда? Надо же.

Миша. Ага.

Оля. Поздравляю.

Миша. Спасибо.

Оля. Пришлось немножко тебя поискать, конечно.

Миша. Чтобы поздравить?

Оля. Ага. Вроде того.

Оля вынимает из кармана небольшой чёрный пистолет.

Оля. Тут немного расклад изменился. Меня попросили сделать работу над ошибками.

Миша. Кто? Учительница?

Оля. В каком-то смысле.

Миша. На второй год не хочешь оставаться?

Оля. Очень не хочу.

Миша. Ну что ж. Давай. Работай над ошибками.

Оля. Ты, пожалуйста, пойми, что ничего личного.

Миша. Я понимаю.

Оля. Я к тебе в целом хорошо отношусь.

Миша. Спасибо.

Оля. В общем... прости.

Миша. Вообще без проблем.

Оля приставляет пистолет к Мишиному виску. Миша зажмуривается. Оля нажимает на спусковой крючок, но, вместо выстрела, раздаётся не очень громкий хруст. Оля пробует ещё раз. Выстрела нет. Оля пробует ещё раз — с тем же результатом.

Оля (смотрит на пистолет). Говно китайское.

Оля кладёт пистолет в карман и вынимает из другого нож. В то же время Миша вынимает из внутреннего кармана куртки флейту из бедренной кости человека — ганлин. Подносит к губам. Дудит.

Затемнение.

Москва, октябрь 2017